

КОНФЛИКТ, КАК ЗАСТАРЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ: ПОЧЕМУ МЫ НЕ ВЕРИМ В РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА

Микаэл Золян

Заметки на полях социологического исследования

Исследование, с материалами которого мы познакомились, очень полезно, так как оно, кроме всего прочего, показывает две очень важные вещи. Как обычно говорят герои анекдотов, есть две новости – хорошая и плохая. Плохая новость: исследование показывает, что за десятки лет конфликт нормализовался и стал восприниматься людьми как данность, как часть объективной реальности, которую невозможно изменить. Но есть и хорошая новость: исследование показывает, что даже нескольких правильно поставленных вопросов достаточно для того, чтобы стимулировать критический анализ конфликта. Иными словами, оно показывает, как правильная стратегия работы с обществом может помочь ему начать проблематизировать конфликт, то есть перейти от представлений о конфликте как о чем-то само собой разумеющемся к его критическому анализу и поискам решения. Но обо все по порядку.

Во-первых необходимо оговориться, что любое социологическое исследование субъективно, и здесь я высказываю мое восприятие, мою интерпретацию этого исследования, которые тем более субъективны. Я и не претендую на объективность и именно поэтому из всего многообразия тем, затронутых исследованием, я выбираю те, которые соответствуют моему собственному опыту и моему видению ситуации. Тем не менее, не вдаваясь в философские дискуссии о соотношении субъективного и объективного, могу сказать, что, как мне кажется, моя интерпретация материалов этого исследования, как и взгляд моих коллег из Степанакерта и Баку, может быть интересной и, возможно, даже полезной. Дело в том, что моя точка зрения как представителя армянского общества, многие годы вовлеченного в миротворческие программы, – это точка зрения инсайдера и аутсайдера одновременно. В этом качестве я нередко сталкивался с ситуацией, когда приехавшие извне (не обязательно иностранцы, это могут быть и, например, НПО-шники на грантах или молодые активисты, получившие образование за рубежом) стремятся разрешить конфликт, но сталкиваются иногда со скептицизмом, иногда – с недоверием, иногда – с прямым сопротивлением местных.

Часто бывает так, что господствующее настроение среди местных – это безразличие, несколько скрашенное доброжелательным отношением к «гостю», которое усиливается благодаря тому, что сам факт интереса к местным льстит постсоветским людям, особенно в обществе, где принято «не выделяться». Иногда бывает и момент личной заинтересованности: участие в диалоге может быть привлекательным для местного в силу того, что связано с ожиданиями каких-либо выгод – материальных или нематериальных, например, возможность посетить зарубежные страны, занять свободное время или ощутить собственную важность (раз уж иностранцы нами интересуются, значит, мы тоже что-то собой представляем). Но в целом отношение к основной цели миротворческой

деятельности – смесь скептицизма и безразличия. Это, в свою очередь, нередко удивляет и озадачивает посредников и миротворцев (ну что это за люди, которые не хотят сами решать свой конфликт?!), а впоследствии и фрустрирует (ну если уж они сами не хотят решить свой конфликт, то как мы им поможем?).

Как мне кажется, данное исследование помогает понять природу этого скептицизма, с которым местные часто относятся к миротворческим инициативам. По моему мнению, это связано с тем, что конфликт нормализовался, воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как часть окружающей объективной реальности. Эту реальность невозможно изменить, ее просто надо учитывать, планируя свои действия, думая о своем будущем, будущем своей страны. Разрешение конфликта представляется некоей утопией, о которой можно говорить, но которую никто не воспринимает всерьез. Как отвечает один из респондентов на вопрос о том, как может решиться конфликт: *«В сегодняшних условиях?! Я просто не вижу и не знаю, как может решиться этот конфликт. Нету выхода» (представитель диаспоры, 27 лет)*. Мне кажется, лучше всего это ощущение можно резюмировать фразой одного из респондентов: *«Я даже не думал, как моя жизнь сложится без конфликта, потому что он есть. [...] Глупо было бы отвечать на этот вопрос, потому что это было бы сплошной теорией» (врач, 29 лет)*.

У людей есть ощущение, что конфликт надолго. Например, женщина из Ванадзора говорит: *«Мы живем в военное время, каждый день погибают люди, дети. У меня тоже растет сын, ему шесть лет, но я не думаю, что до того времени, как он будет служить, что-то изменится»*. В этом, как мне кажется, отличие современного этапа от того, как ситуация в наших странах воспринималась в первые годы после окончания активной фазы военных действий, т.е. во второй половине 1990-х и начале 2000-х. Объективно тогда ситуация была тяжелее – и с экономической, и с гуманитарной точек зрения, свежи были воспоминания об ужасах войны. Но была надежда на будущее, многие были уверены, что если не через год или два, то максимум лет через пятнадцать-двадцать, скорее всего, будет найдено решение. Вряд ли родители детей, родившихся, скажем, в 1998 году, думали о том, что в 2016 году их сыновья окажутся в окопах на линии фронта, под огнем артиллерии противника. Сейчас есть осознание, что конфликт нерешаем и что опасность войны, приграничные инциденты – это если не навсегда, то, во всяком случае, надолго.

С этим ощущением, так сказать, стабильной нестабильности связано, как мне кажется, одно обстоятельство, которое бросается в глаза при знакомстве с материалами исследования. В большинстве интервью привлекает внимание обстоятельство, что у многих людей в нашем обществе весьма короткий горизонт планирования. Большинство опрошенных давали весьма расплывчатые ответы на вопрос о своих планах, своих перспективах, своих целях в жизни. Встречались, конечно, и исключения, как, например, 91-летний респондент, у которого была четкая цель дожить как минимум до 95 лет (кстати, один из самых интересных респондентов, искренне желаю ему здоровья и долголетия). Когда о том, что планировать свою жизнь не имеет смысла, говорит молодежь, это можно списать на свойственную возрасту беззаботность. Но когда мы слышим это от одного из респондентов, 53-летнего мужчины с двумя внуками, это уже говорит о том, что здесь мы имеем дело с чем-то более серьезным: он цитирует фразу Леннона, что жизнь – это то, что происходит с

вами, пока вы составляете планы на будущее. Это своего рода стратегия выживания, физического и психологического, в ситуации, когда нестабильность и наличие риска воспринимаются как нечто само собой разумеющееся.

Отметим, что ощущение нестабильности, постоянной опасности связано не только с конфликтом. Конечно, наличие конфликта усиливает его, повышает уровень стресса. В первую очередь это относится к тем, у кого есть непосредственная связь с событиями на линии фронта (как, например, у респондента, чей брат служит на границе). Но благодаря СМИ и интернету это ощущение распространяется на широкие слои общества. Как говорит один из респондентов, *«когда ты читаешь ленту в соцсетях, понимаешь, что если начинается хаос, ты ничего не можешь с этим сделать» (сотрудница коммерческого сектора, 27 лет)*. Более того, стресс распространяется на все общество, не оставляя в стороне никого: *«Когда было апрельское обострение, люди не ходили к нам, говорили – почему вы открыты, война же» (тот же респондент)*. Но при этом конфликт не воспринимается как единственная или даже основная причина стресса, беспокойства, нестабильности, невозможности планировать свое будущее. Скорее, люди в нашем обществе живут в ощущении постоянной и повсеместной нестабильности и непредсказуемости, и конфликт является просто одним из источников этой нестабильности. С конфликтом люди уже свыклись, как говорит один из респондентов, *«Карабах не вызывает тревогу, я уже привык, это продлится еще долго» (работник сферы искусства, 91 год)*.

Конечно, есть определенные различия между восприятием ситуации «ни войны, ни мира» и ситуации «собственно войны». Поэтому почти во всех интервью в той или иной форме упоминаются события апреля 2016 года, так называемая апрельская война. В основном, конечно, она упоминается в контексте опасности и стресса, но есть и сильный элемент мобилизации, подъема патриотических настроений. Есть интересный пример восприятия войны как выхода из депрессии, молодой человек говорит: *«Я вообще-то человек, больной на всю голову, мне нравится война, и я даже хочу поучаствовать в ней. [...] Я пошел в аспирантуру, чтобы не служить, но армия – это одно, а война – это другое. [...] Армия – это рутинка, а война – это экстрим, это смерть»*. Причем этого человека трудно заподозрить в государственной пропаганде, так как он же говорит: *«У Армении нет будущего, я опасаясь за суверенитет» (студент, 24 года)*. То есть ситуация «ни войны, ни мира» – это некое болото, на фоне которого война воспринимается как шанс что-то изменить в своей жизни. Этот несколько неожиданный ответ респондента совпадает, по моим наблюдениям, с атмосферой, царившей в социальных сетях в дни апрельской войны, когда, с одной стороны, было много беспокойства, но одновременно было и какое-то своеобразное воодушевление. Тогда я был свидетелем похожего явления – в некоторых текстах пользователей (не государственных пропагандистов, а обычных людей, в том числе нередко с оппозиционными взглядами) соцсетей между строк читалось: «наконец-то что-то происходит» или «наконец-то что-то изменится». Конечно, такое отношение трудно считать доминирующим, но то, что есть и такой подход, достаточно интересно.

Все, о чем я говорил до сих пор, свидетельствует о трудности разрешения конфликта. Конфликт, как застарелая болезнь, стал частью нас самих, и нам, чтобы его решение стало

возможным, необходимо усилие, к которому наши общества пока не готовы. Все это я вижу в ответах респондентов. Но одновременно я вижу и потенциал критического взгляда на конфликт, который актуализируется благодаря вопросам исследователей. Пока конфликт воспринимается как данность, нет и его критического анализа как явления. Но исследователи своими вопросами провоцируют респондентов на критический анализ конфликта, и оказывается, что многие люди очень легко избавляются от ура-патриотических или пессимистических клише и начинают анализировать конфликт и пути его решения.

Так, например, многие респонденты в той или иной форме высказывают мысль об ответственности элит. Достаточно часто в разных формах встречается мысль, что власть или часть элиты заинтересована в конфликте, в то время как другая, менее обеспеченная часть общества несет на себе основную тяжесть его негативных последствий. Лично я считаю, что в первой части это действительно так: ситуация «ни войны, ни мира» объективно выгодна для элит. Думаю, что в этом отношении на восприятие армянского общества в значительной степени повлияли события апреля 2016 года. Эти события показали, что вероятность оказаться на передовой под пулями противника тем выше, чем ниже стоит семья призывника на социальной лестнице (будь то материальное положение или социальный статус). Острее стали ощущаться такие проблемы, как коррумпированность элит, коррупция и другие негативные явления в вооруженных силах. Эти настроения выражает, например, один из респондентов, считающий, что конфликт *«если и влияет на богатых, то позитивным образом – на войне можно заработать, [...] в полной мере влияет на людей с низким достатком, чьи сыновья идут на службу и многие даже погибают на службе» (студент, 24 года)*. Есть, правда, и мнение других респондентов о том, что конфликт влияет на всех, даже на олигархов, потому что *«у народа нет денег, люди меньше покупают, что снижает доходы олигархов (работник сферы культуры, 91 год)*.

Некоторые респонденты достаточно однозначно видят связь конфликта с собственным положением. Например, один из респондентов говорит о том, что в 1990-е из-за конфликта не было света, по словам другого, *«может быть, если бы не было конфликта, у меня была бы работа»*, третья полагает, что *«возможно, мой брат бы не уехал»* и т.д. Интересно, что когда речь заходит о возможном решении конфликта, чаще всего респонденты либо говорят о том, что решения нет, либо озвучивают максималистские требования, на которые, скорее всего, не пойдет другая сторона. При этом они, как правило, не считают, что ответственность за конфликт в определенной мере несем все мы – «простые люди». Ответственность возлагается на внешние, с точки зрения респондента, силы – на другую сторону, на власть имущих, на исторических деятелей прошлого, на мировое сообщество и третьи страны. В вопросе о том, почему ситуация остается такой и получает ли кто-то выгоду от нее, многие отмечают внешний фактор – чаще всего Россию (отмечаются такие моменты, как монополия на экспорт энергии, продажа вооружений, геополитическое влияние), на втором месте – США, иногда – местные власти. Один из респондентов посчитал, что ответственность несут конкретно три человека – Путин, Алиев, Саргсян. Кто-то обвиняет Минскую группу, кто-то считает, что решения объективно нет, потому что у сторон противоположные интересы. Создается впечатление, что большинство респондентов не

ищут причины того, почему конфликт не решен в самих армянском и азербайджанском обществах.

В целом картина складывается не очень оптимистичная. С одной стороны, чувствуется неверие в собственные силы, в свою способность что-то изменить, с другой – неготовность хоть в какой-то мере отказаться от своих представлений и пойти на компромисс. Скорее всего эти два явления связаны друг с другом: если решение конфликта все равно невозможно, зачем отказываться от своих патриотических позиций, зачем пытаться искать компромисс с противником, который сам не готов пойти на компромисс. Таким образом, мы оказываемся в порочном круге, где максимализм одной стороны наталкивается на максимализм другой и оба призваны маскировать собственное бессилие.

Вместе с тем в материалах исследования есть и основания для оптимизма. Мы видим, как самые разные люди, когда им предлагается проблематизировать конфликт, начинают критически его анализировать приходят к выводам, о которых годами говорят политологи и конфликтологи, например, о роли элит в разрешении или неразрешении конфликта или о том, как конфликт влияет на богатых и бедных, на женщин и мужчин и т.д. И это вселяет надежду. Если создастся ситуация, в которой люди почувствуют, что решение конфликта – это не утопия, а реальная перспектива, они, с трудом, с сомнениями, скорее всего даже неожиданно для самих себя, все-таки пойдут на решения, которые сегодня кажутся невозможными.